

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.001.12

О. В. Ким

ВОЕННЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В англоязычной историографии модернизация в допетровской России рассматривается как результат действия военных реформ и внешних влияний. Источники этих влияний находились как в Западе, так и на Востоке. Важным аспектом исторической трансформации государства и общества признается «военная революция». Она определила развитие военно-бюрократического абсолютизма. В то время как из Европы в основном шел процесс трансляции новых военных технологий, Османская империя и Золотая Орда передавали политический образец автократического «служилого государства» и концепцию фискальной политики. В оценках зарубежных авторов допетровские военные реформы были достаточно эффективны, однако они усилили социальный и культурный разрыв между Россией и Европой.

Ключевые слова: теория модернизации, допетровская Россия, теория военной революции, современная историография.

В эпоху раннего Нового времени Московское государство включилось не только в европейскую политику, но и в круг европейских проблем. Отвечая на вызовы эпохи, перед лицом могущественных соседей она должна была стать современным государством, способным на внутреннюю консолидацию и удержание рубежей. В период военной нестабильности во всей Евразии важным условием выживания была способность воспринимать и генерировать актуальные инновации. Источники внешних влияний были не только на Западе, но и на Востоке. Б. Ф. Поршнев отмечал: «Само относительное культурное разобщение между Западной и Восточной Европой, связанное, между прочим, и с религиозным расколом, являлось не вакуумом, но взаимным отношением» [1, с. 406]. Современный подход к модернизации подразумевает концентрацию внимания на сравнительно-исторических моделях и факторном анализе [2]. Для объяснения широкого ряда экзогенных факторов исторической трансформации постсредневековых обществ исследователи модернизации привлекают теорию военной революции.

В условиях длительной внешнеполитической напряженности, характерной для всех районов Евразии между 1500 и 1650 гг. на первом месте стояла задача обеспечения военной безопасности как необходимого условия существования и развития. Комплекс военных мероприятий, как правило, стоил много дороже, чем могла себе позволить традиционно ориентированная экономика. Всевозрастающая потребность государства в деньгах стимулировала этатистскую налоговую реформу, направленную на преодоление экономической дефраг-

ментации средневековья. Эти усилия требовали серьезных мер, направленных на централизацию, бюрократизацию и новый диалог с корпоративными элитами – всего того, что П. Шоню называл «регулярным нововременным государством», а Б. Даунинг – «военно-бюрократическим абсолютизмом» [3].

Распространение представлений о нелинейности модерна стало следствием серьезной ревизии теории в последней четверти XX века [4]. При постановке проблемы «устойчивого фрагментарного развития» Д. Рюшемейер указывал, что «модернизированные и традиционные элементы в социальных структурах, нормах, мировоззрении – могли образовывать временные синтезные формы, которые, в силу обстоятельств, могли закрепиться как нормы и существовать в течение нескольких поколений» [5]. При этом успех модернизации, по мнению большинства теоретиков, в значительной степени определялся способностью эндогенного общества воспринимать чужие и производить собственные инновации [4]. В 1960–70-е гг. появляется ряд исследований модерна (С. Хантингтон, Ш. Айзенштадт, Л. Пай и др.) в которых подчеркивалась роль военных реформ и военных элит в развитии неевропейских стран [6–8].

В развитии проблематики военных факторов социальной эволюции видная роль принадлежит американскому историку У. Мак-Нилу. В работах «Восхождение Запада» и «В погоне за мощью» он развил идею о том, что открытия прорывного значения в военной сфере подтолкнули развитие цивилизации вообще, так как они запускали процесс миграций и культурной диффузии. По мнению

Мак-Нила, период китайского военного доминирования в средние века сменил период османской гегемонии, затем наступил период военно-технологического равновесия между Западом и Востоком, а после 1750 г. начинается эра военно-политического господства западной цивилизации [9].

Идея военной революции в Европе 1550–1660 гг. была четко оформлена в работах М. Роберта. По его мнению, распространение огнестрельного вооружения, введение регулярной армии, появление линейного морского флота имели первостепенное значение в новой истории Европы. В середине 1950-х гг. английский историк предпринял панорамный обзор того, как военные реформы Густава-Адольфа, направленные на боевое и тактическое совершенствование шведской армии стали мощным стимулом развития всей системы хозяйства и шире – шведского абсолютизма [10; 11, р. 63–80, 88–120, 169–245, 272–305]. Эти идеи получили развитие и расширение в работах Дж. Паркера, Дж. Линна, Б. Даунинга. Так, Дж. Паркер предположил расширить рамки военной революции на несколько десятилетий – с 1530 до 1710-х гг. с тем, чтобы полнее включить в теорию военное предпринимательство эпохи Ренессанса, фортификацию, военное новаторство испанцев, а также ряд важных аспектов тактики пехоты и кавалерии времен Итальянских войн [12]. К 1980-м гг. «военная революция» стала предметом серьезных исторических исследований в зарубежной науке [13–16]. В исследованиях В. В. Пенского, С. А. Нефедова, И. В. Волковой, В. В. Цыганкова военная революция позиционируется как важная детерминанта политического развития; она рассматривается в одном ряду с такими факторами, как Реформация, промышленная революция, демографический переход, генезис капитализма; соотносится с процессами модернизации и складывания современной мир-системы [17–21].

Сдержанное отношение многих современных историков к теории военной революции объясняется ее детерминизмом – военный дискурс заслоняет прочие социокультурные аспекты развития обществ. Оппонентам теории кажется, что изменения в военных технологиях, тактике, организации вторичны по отношению к изменениям в политической системе, демографической структуре, социальных связях и морально-этических представлениях эпохи, в интеллектуально-идеологической сфере [22]. Н. Хеншелл выдвинул тезис о том, что эффективный социальный порядок в условиях раннего Нового времени естественней достигался не при фискально-военном абсолютизме, а при диалоге власти с корпорациями и обществом. Он указывал на то, что «военно-коммерческий комплекс» эффективней складывается в парламентской Англии, чем в «абсо-

лютистской» Франции, что имела место обратная последовательность – от абсолютизма и расширенного производства к военной революции [23, с. 10–11]. Тенденция к расширительному толкованию «военных революций» существенно размывает границы смыслового ядра понятия. Но они не снижают актуальности изучения феномена.

В приложении к теории модернизации аналитическая модель военной революции помогает функционально связать три разноуровневых процесса: 1) распространение диффузионных культурных взаимодействий; 2) становление фискально-военного государства; 3) перестройку системы социальных связей. Для обществ, относящихся к догоняющим типам модернизации, военный, внешний фактор нередко формулируется как ведущий, главный. Военное превосходство соседей на Западе или на Востоке накладывает существенный отпечаток на рисунок и интерьер всех изменений – на эту особенность обращали внимание В. В. Алексеев, С. А. Нефедов, И. В. Побережников [24, с. 155–157, 166–169, 172–173]. При этом сами по себе военные влияния и заимствования из арсеналов соседей-соперников не гарантируют успеха. Они могут быть успешно реализованы только в благоприятном культурно-историческом контексте, т. е. должны соответствовать «коридору возможностей», вписываться в традицию. Идеи, институты и технологии должны быть приспособлены к эндогенному этносу. Политика самоусиления, проведенная в отрыве от остальных задач модернизации, исторически обречена, и сама военная революция оказывается сломленной, обратимой. Точно так же военное поражение, слом модернизации, проигрыш в военно-политическом противостоянии отбрасывают модернизирующееся общество назад, повергают его в кризис или застой.

В зарубежной исторической науке концепт модернизации применительно к Московии XV–XVIII вв. начал применяться на рубеже 1990–2000-х гг. В исследованиях М. Поу, Д. Островски, П. Брауна, Р. Хелли, Дж. Котилейна, В. Кивельсон, П. Дьюкса, У. Редера, Г. Херда, Д. Коултера, Л. Хьюджеса, Н. Хрисидисса, Н. Ш. Коллман и др. был выдвинут тезис о том, что Россия встала на путь преобразований, по крайней мере, за столетие до Петра. Русскую модернизацию авторы понимают не как революцию, а как продолжающееся линейное изменение, долгое движение к очертанию целей. Почти всегда это был результат реформаторской деятельности, проводимой в условиях международной взаимозависимости и соперничества. Поэтому заимствования были не всегда желательны для общества и эффективны относительно [25].

Военный фактор и влияние азиатских политических моделей стало, по мнению П. Брауна, глав-

ным фактором складывания Московского «служилого государства». Он отмечал, что центральная бюрократия при всех издержках местничества и пространства смогла эффективно мобилизовать ограниченные экономические и людские ресурсы страны для решения предстоявших задач [26]. В исследованиях Б. Дэвиса, Р. Хелли, Дж. Мартин отмечается, что в XVI в. Россия столкнулась с беспрецедентным вызовом в лице регулярных армий и огнестрельного оружия. Втянувшись в европейские конфликты, Россия уже не смогла выйти из них, стала участницей «догоняющего» состязания с Европой. Другой частью вызова “modernity” стало изменение положения России в мире. По мере перемещения европейских мир-экономических центров из Средиземноморья в северные моря возрастало значение русских ресурсов и коммуникаций. Растущее население Европы, морская экспансия англичан, голландцев, датчан, шведов способствовали соединению русских ресурсов – леса, пеньки, зерна с сетью европейских и мировых рынков [27]. Валери Кивельсон ставит вопрос об «относительной модернизации» как о промежуточном результате догоняющего развития. Инновация, эффективная, рационально востребованная на раннем этапе применения, будучи внедренной сверху, с течением времени может утратить полезность и стать тормозящим, реакционным фактором (например абсолютизм, сословная стратификация, крепостное право) [28].

Американский историк Д. Островски считает, что не только модернизация, но и все историческое развитие России отразило череду культурных заимствований. По его мнению, Московия формировалась под перекрестным влиянием европейских и азиатских центров. Помещенная в «западном конце Внутренней Евразии», она попала под опосредованное культурное воздействие средневекового Китая, главного генератора военных, культурных и технологических новшеств. Автор считает, что в XVI–XVII вв. в культурном ареале Московии еще преобладало перекрестное влияние (внешне-евразийской) традиции монголо-татар и византийской (внутренне-евразийской) традиции христианства. В XV столетии Русь начинает испытывать серьезное культурное воздействие Запада, однако, «как это ни парадоксально, многие из изобретений и новшеств, которые Московское государство приняло от западного конца Внешней Евразии, возникли в ее восточном конце». Стремлена, арбалеты, бумагу, порох и огнестрельное оружие средневековая Русь, по мнению Островски, переняла не от Европы, а от монголов – в сжатые сроки, вместе с административными и политическими традициями (местничеством, поместной системой и т. д.) [29].

На этой основе Д. Островски выдвигает идею о том, что говорить о модернизации как о вестернизации в России XVI–XVIII вв. преждевременно, потому что происходившие изменения в большей степени приближали Россию к империям Востока, чем к Европе, а живучесть традиционных общественных институтов даже в постпетровскую эпоху была высока. По мнению автора, российскую модернизацию следует сравнивать не с неким европейским образцом, а с внутренней динамикой изменений общества, технологий, культуры, религиозной жизни и т. д. Он не считает Петровскую эпоху временем кардинальных перемен, видя лишь устойчивое существование традиционной Московии, при более-менее непрерывных микроизменениях в 1450–1800 годах [30]. Это мнение поддерживали авторы, также считающие, что за 150–200 лет ранней русской модернизации в России было создано мало аналогов западноевропейских общественных институтов, все инновации сосредоточились в военной и административной сфере, в то время как отношения сословий с государством оставались вполне «традиционалистскими» в восточном смысле. Так, Саймон Диксон отмечал, что, несмотря на развитие с 1676 по 1825 г. «модернизационной модели» в России, последняя имеет по отношению к ней «ограниченную применимость», что Россия за 150 лет реформ так и не стала «государством модерна» [31, р. 256].

Канадский историк Дж. Кип в книге «Солдаты царя: армия и общество в России 1462–1874» подчеркнул высокую роль военного компонента в структуре модернизации и структуре царской власти. Повторяя тезис о «служилом характере» Московского государства, он отмечал, что военные силы были и инструментом, и жертвой проводимой государством политики. Он также указывал на длительное существование социально-психологических представлений о военной службе как корпоративной монополии [32, р. 97]. Красной нитью в исследовании проходит идея о том, что военные мероприятия русского абсолютизма были стержнем всей внутренней политики в стране и стали главной причиной создания новой административной и фискальной системы.

Оригинальное видение динамики военных и административных реформ представил М. Поу. Он предложил концепт «военных и финансовых форматов», которые объединяют общую характеристику типов военной силы и социально-экономическую систему их обеспечения в каждой отдельной эпохе. Первый формат, по мысли автора, сложился в Московской Руси XV в. Эта система дворянского конного ополчения по ордынскому образцу была комбинацией региональных единиц, возглавляемых удельными правителями. Ее тактические ха-

рактические характеристики соответствовали войне с татарами, литовцами и казаками. Эта кавалерия подчинялась великому князю, но содержалась преимущественно за собственный счет [33, р. 245]. Второй формат возник в XVI в., когда силы московского царя столкнулись с современными армиями Запада. Реформа учредила контроль над положением местных командиров и их земельной собственностью через систему местничества и Разрядный приказ. Дворянская конница пополнилась стрельцами, и в ней значительно изменилась система содержания военных – условные земельные кормления переводились в наличные оклады. Этот «гибридный» (дворянская кавалерия/стрельцы на жаловании) формат оставался неизменным до 1630-х гг. Третий формат был построен в XVII в. Полки нового строя и большое количество наемников из Европы ясно маркировали общий смысл военной реформы Романовых. Малоэффективная на европейском поле боя конница служилых заменялась пехотой, драгунскими, рейтарскими частями. Разветвленная система военных ведомств была переплетена с системой приказов, ведавших централизованным учетом земель, населения и налогов [33, р. 257–263]. М. Поу делает акцент на том, что переход от поземельного к подушному налогообложению был следствием военных мероприятий. Происходившая в течение двух столетий военная реформа стала, по мысли автора, главным катализатором появления не только современной бюрократической системы, но и причиной рационализации общественных отношений и культуры, стала средством контроля над пространством и людьми [33, р. 271].

Военная модернизация Московии, по мнению Дж. Котилейна, стала главной причиной расхождения социально-экономических путей развития России и Европы [34, р. 97]. Чтобы стать более похожей на Запад в военном секторе, Россия постепенно утратила подобие Западу во всех остальных отношениях, перераспределяя ресурсы в духе военной мобилизации. Автор отвергает саму мысль,

что петровские реформы приблизили Россию к Европе. Действие «ловушки Гершенкорна» (т. е. тезиса о том, что институциональные отличия отсталой страны от «образца» при фрагментарном догоняющем типе модернизации со временем будут увеличиваться) [35, р. 17] привело к тому, что Россия отказалась от возможных заимствований, которые могли быть сделаны на «ближнем» польско-литовском Западе.

Обобщая дискуссию русистов о факторах развития допетровской России, следует отметить, что в большинстве исследований главной социальной силой в процессе ранней модернизации выступает власть. В «служилом государстве», сосредоточенном на военной реформе, множество факторов вели к девальвации родовой знатности, трансформации элит, развитию фискальной системы. Это признают все историки, работающие внутри данной парадигмы. Оценки эффективности этих «реформ сверху» разделились. М. Поу и А. Гершенкрон считают, что можно говорить о процессе эффективной военно-политической модернизации применительно к Московии XVI–XVII вв., при том, что в долгосрочном периоде издержки этих преимущественно проводимых сверху реформ были значительны. Как отмечают исследователи, фрагментарность модернизационных процессов подтолкнула процесс расслоения общества, закрепила в нем социально-экономическую и культурную архаику [36, с. 63]. В то же время отмечена энергия, сила и рациональность устремлений, которые вталкивала правящая элита русского государства. Уникальность русской модерности выразилась в том, что большие периоды, необходимые для органичной социальной трансформации, сжимались в короткие компании с использованием методов и средств, которые Ч. Тилли называл «принудительными стратегиями развития». Результатом этих напряженных усилий стало военное равновесие, которого Россия достигла к началу XVIII в. со своими соседями на Западе и Востоке.

Список литературы

1. Поршнева Б. Ф. Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны // Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и московского государства. М.: Наука, 1976. 435 с.
2. Ким О. В. Теория модернизации и переходные общества раннего Нового времени // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 121–128.
3. Downing B. M. Constitutionalism, warfare, and political change in early Modern Europe // Theory and Society. Vol. 17. № 1 (Jan., 1988). P. 7–56.
4. Rueschmeyer D. Partial modernization // Explorations in General Theory in Social Science: Essays in Honor of Talcott Parsons / Ed. by J. C. Loubser et al. N. Y., 1976. Vol. 2. P. 756–772.
5. Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзор / под ред. Л. И. Бородин. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.
6. Eisenstadt S. N. Multiply Modernity. Daedalus. Cambridge (Mass.), 2000. Vol. 129. № 1. P. 3–10.
7. Huntington S. The Soldier and the State. The Theory and the Politics of Civil-Military Relations. Cambridge, L., 1981. 534 p.
8. Pye L. W. Armies in the process of political modernization // Europ. J. of Sociol. Cambridge, 1961. № 2. P. 82–92.
9. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооружение и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008. 456 с.

10. Roberts M. The military revolution, 156–1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967. P. 195–225.
11. Roberts M. Gustavus Adolphus: A History of Sweden, 1611–1632. Vol. 2. 1626–1632. Longmans, 1958. 848 p.
12. Parker G. The “Military Revolution,” 1560–1660 – a Myth? // The J. of Modern History. Vol. 48. № 2 (June 1976). P. 195–214.
13. Black J. A Military Revolution? Military Change in European Society 1550–1800. L., Macmillan, 1991. 128 p.
14. Downing B. M. The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in early Modern Europe. Princeton: Princeton University Press, 1992. 476 p.
15. Mansel P. Pillars of Monarchy: an Outline of the Political and Social History of Royal Guards, 1400–1984. L., Quartet, 1984. 207 p.
16. Glete J. War and the State in early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-Military States, 1500–1660. L., Routledge, 2002. 288 p.
17. Пенской В. В. Развитие вооруженных сил России и военная революция в Западной Европе во 2-й половине XV–XVIII вв.: сравнительно-исторический анализ: дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. 525 с.
18. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Территория будущего, 2010. 376 с.
19. Цыганков В. В. Военная революция и становление современной мир-экономики // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Серия: Педагогика. 2009. Т. 10. № 1. С. 51–61.
20. Волкова И. В. Становление Российской империи: роль военных структур и военных действий // Имперский вопрос – национальный ответ: сб. науч. статей / под ред. Г. В. Лукьянова. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2009. С. 72–82.
21. Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Издат. фирма «Восточная литература», 1994. 384 с.
22. Lynn J. A. Review essay: clio in arms: the role of the military variable in shaping history // The J. of Military History. Vol. 55. № 1 (Jan. 1991). P. 101–108.
23. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 272 с.
24. Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский историч. вестн. № 5–6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 152–183.
25. Modernizing Muscovy. Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia / Eds. J. Kotilaine, M. Poe. L., N. Y.: Routledge Curzon, 2004. 489 p.
26. Brown P. B. Bureaucratic administration in seventeenth-century Muscovy // Modernizing Muscovy. Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia / Eds. J. Kotilaine, M. Poe. L., N. Y.: Routledge Curzon, 2004. P. 57–78.
27. Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. Culture and Identify in Muscovy, 1359–1584. М.: ИЦ-Гарант, 1997. 608 с.
28. Kivelson V. Culture and politics, or the curious absence of Muscovite state building in current American historical writing // Cahiers du Monde Russe. 1/2005. (Vol. 46). P. 19–28.
29. Ostrowski D. Muscovite adaption of steppe political institutions: a reply to halperin’s objections // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 1. № 2. Spring, 2000 (New Series). P. 267–304.
30. Ostrowski D. The End of Muscovy: The case for circa 1800 // Slavic Review. Interdisciplinary Quarterly of Russian, Eurasian, and East European Studies. University of Illinois, 2008. P. 426–428.
31. Dixon S. The Modernisation of Russia, 1676–825. Cambridge, 1999. 267 p.
32. Keep J. H. Soldiers of the tsar: Army and social in Russia. 1462–1874. Oxford: Clarendon press, 1985. 432 p.
33. Poe M. The military revolution, administrative development, and cultural change in early modern Russia // The J. of Early Modern History. Vol. 2. № 3. Leiden, 1998. P. 247–273.
34. Kotilaine J. T. The second chigirin campaign: late Muscovite military power in transition // The Military and Society in Russia: 1450–1917. History of Warfare. Vol. 14. Leiden; Boston: Brill, 2002. 550 p.
35. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1966. 456 p.
36. Мухин О. Н. Трансформация образа правителя в Петровскую эпоху в контексте российских властных мифологем (на материале американской историографии) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 1. С. 59–63.

Ким О. В., кандидат исторических наук, доцент.
Кемеровский государственный университет.
Ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650043.
E-mail: zaecposad@gmail.com

Материал поступил в редакцию 24.10.2011.

O. V. Kim

THE MILITARY FACTOR OF MODERNIZATION OF PRE-PETRINE RUSSIA IN THE MODERN ANGLOPHONE HISTORIOGRAPHY

In anglophone historiography the modernization in prepetrine Muscovy is considered as the result of the military reforms and the external influences. The sources of such effects were located in the West as well as in the East. The “military revolution” has been recognized as an important aspect of the historical transformation of the state and society. It has identified the development of the fiscal-military state. Whereas the process of the new military technologies translation went out from Europe, the Ottoman Empire and the Golden Horde passed out the autocratic political model “of the Service State” and the concept of the fiscal policy. In the estimates of foreign authors pre-Petrine military reforms were effective enough, but they have increased social and cultural gap between Europe and Russia.

Key words: *modernization theory, military revolution theory, pre-petrine Muscovy, modern historiography.*

Kemerovo State University.

Ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russia, 650043.

E-mail: zaecposad@gmail.com